

Про уродов и людей

(*Falk D. The fossil chronicles: how two controversial discoveries changed our view of human evolution. Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 2011. 259 p.*)*

Дин Фальк — профессор антропологии в университете штата Флорида, палеоневролог, специалист по следам мозга ископаемых людей и их предшественников. Пишет она много и интересно, в том числе и в научно-популярном жанре. Книга «Ископаемые хроники: как два спорных открытия изменили наши взгляды на эволюцию человека», может рассматриваться как научно-популярная, но ориентирована она на хорошо подготовленного, или, как сейчас говорят, продвинутого читателя, и, безусловно, заслуживает также внимания тех, кто профессионально занимается изучением доисторического прошлого человечества. Написать на нее рецензию я решил не столько потому, что книга показалась мне познавательной и увлекательной (хотя это, безусловно, так), сколько потому, что некоторые мысли автора меня, что называется, «зацепили». Особенно это касается соображений Фальк относительно того, почему столь многие (едва ли не все важнейшие!) открытия ископаемых предков человека имели «трудную судьбу», т. е. долгое время подвергались сомнению, оспаривались и не признавались научным сообществом, по крайней мере, в лице его наиболее видных и авторитетных представителей. Неандерталь, Триниль, Таунг — ни одна из перечисленных эпохальных находок не была встречена всеобщими аплодисментами, все они в течение десятилетий оставались «гадкими утятами» палеоантропологии. Список «спорных открытий» продолжает пополняться и в наши дни (Лианг Буа, Денисова пещера, Лунлинь/Малудун), хотя современные гадкие утята вырастают (если вырастают) в «лебедей» несколько быстрее, чем их предшественники в позапрошлом и прошлом веках (акселерация!).

Особое место в этом списке занимают, по мнению автора книги, череп австралопитека из Таунга (ЮАР), обнаруженный в 1924 г., и найденные в пещере Лианг Буа на острове Флорес в 2003 г. скелетные остатки загадочного маленького гоминида (нескольких особей), немедленно окрещенного учеными и журналистами «хоббитом». «В обоих случаях, — проводит очевидную параллель Фальк, — заявления об открытиях были враждебно встречены учеными, поскольку вели к выводам, противоречившим устоявшимся в науке представлениям» (с. 5). В обоих случаях, добавлю, имелись сравнительно хорошо сохранившиеся черепные коробки, что сделало возможным изучение формы и рельефа поверхности мозга обоих существ и, поскольку автор является специалистом именно в этой области, предопределило их выбор в качестве главных героев рецензируемой книги.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 11-06-12019-офи-м.

В первых четырех главах речь идет в основном об истории и значении открытия в Таунге. Подробно рассказывается об участниках этого события, о Р. Дарте и его учителях и оппонентах — британских физических антропологах конца XIX — первой половины XX в., о пилтдаунской подделке и ее влиянии на интеллектуальную атмосферу в палеоантропологии вообще и на отношение к открытию Дарта в частности. Все эти темы, в общем, довольно хорошо освещены в литературе, но наряду с известными фактами Фальк приводит здесь и оригинальные материалы. Таковыми, прежде всего, являются отрывки текста и рисунки из рукописи неопубликованной («отвергнутой британской научной аристократией», с. 49) книги Дарта, хранящейся в архиве университета Витватерсранда (ЮАР). Почти все цитируемые фрагменты рукописи касаются эндокрана первого (по времени открытия) австралопитека. Фальк принимает большинство анатомических определений и палеоневрологических интерпретаций южноафриканского исследователя, отдает должное его прозорливости, но не обходит молчанием и вероятные ошибки. Главная из них, по мнению Фальк, в том, что отпечаток ламбдовидного шва в затылочной части эндокрана был идентифицирован Дартом в качестве полулунной борозды, и это повлекло за собой некоторое преувеличение интеллектуальных возможностей австралопитека.

Следующие четыре главы всецело посвящены находкам на острове Флорес. Кем были крошечные (около 1 м ростом и 30–35 кг весом) существа, чьи кости найдены в пещере Лианг Буа? Были ли они уродами, аномальными представителями *Homo sapiens*, или же нормальными людьми, точнее, нормальными представителями очень своеобразного, ранее неизвестного науке вида гоминид, который сохранялся на острове до самого конца плейстоцена, а возможно, и в голоцене, сосуществуя во времени (если не в пространстве) с человеком современного анатомического типа? В первые годы после открытия «хоббитов» очень многие исследователи склонялись к первому варианту ответа на этот вопрос, предлагая различные варианты патологий, которые могли бы объяснить малые размеры, необычные пропорции частей скелета и иные анатомические особенности обитателей Лианг Буа. Однако, хотя эта точка зрения и сейчас имеет достаточно приверженцев, преобладающим все же является противоположное мнение, согласно которому на Флоресе обитал особый эндемичный вид гоминид. Предполагается, что представители этого вида, получившего по месту «прописки» название *Homo floresiensis*, были либо «измельчавшими» в условиях островной изоляции потомками восточноазиатских *Homo erectus*, либо же их «кузенами», ответвлением от того же ствола, что дал начало эректусам. Именно к последнему варианту склоняется автор рецензируемой книги.

Дин Фальк подробно рассматривает аргументацию тех, кто предпочитал или предпочитает объяснять своеобразие «хоббитов» патологией, и довольно убедительно опровергает одну за другой все эти версии. Среди них есть оригинальные, новые для истории антропологических дискуссий, а есть избитые, вроде гипотезы микроцефалии, которую высказывали еще 120 лет назад применительно к питекантропу. Поскольку в случае с *Homo floresiensis* она получила особенно большую известность, в том числе и среди широкой публики, в книге ее анализу уделено целых 15 страниц (при общем объеме основного текста 200 страниц). Вывод однозначен. «Единственное, что сближает эндокран LB1

[Лианг Буа 1] с эндокранами микроцефалов — это малый размер. Форма же эндокрана LB1 являет собой в действительности противоположность тому, что типично для эндокранов микроцефалов. Так, в отличие от них, мозг LB1 имел затылочную долю, выдававшуюся назад за мозжечок, очень широкие височные доли с острыми, а не притупленными окончаниями, и широкую лобную долю с участками разрастания в ее передней и нижней частях» (с. 148).

Что касается малого объема эндокрана гоминид из Лианг Буа (около 400 см³, т. е. почти как у шимпанзе и меньше, чем у большинства австралопитеков), то эта их особенность совсем не кажется Фальк несовместимой с их отношением к роду *Homo* и с предположением о наличии у них довольно сложных форм поведения, базирующемся на обнаружении в пещере каменных предметов, интерпретируемых как орудия, и костей животных, интерпретируемых как остатки охотничьей добычи. По ее мнению, одна из особенностей эволюции *Homo floresiensis* по сравнению с другими гоминидами заключалась как раз в том, что общий размер его мозга не увеличивался, а увеличивались лишь те отделы, которые особенно важны в когнитивном плане, а именно задняя ассоциативная кора, префронтальная кора и задняя часть височных долей. Здесь Фальк напоминает читателю ранее цитированный отрывок из изученной ей в 2008 г. рукописи Дарта, где он выделяет эти же три области как единственные, что указывают на эволюционную связь между австралопитеками и людьми. «Маленький эндокран хоббита, — резюмирует она, — нес нам большой эволюционный посыл: мозг не обязательно должен расти, чтобы стать лучше» (с. 126). В свете имеющихся сейчас данных о существовании некоторой взаимосвязи между абсолютным размером мозга и интеллектуальными возможностями разных видов приматов это утверждение выглядит далеко не бесспорно, но в целом аргументы, приводимые в книге в пользу валидности вида *Homo floresiensis* и против объяснения своеобразия его представителей патологическими отклонениями, кажутся очень весомыми.

На протяжении всей книги автор постоянно возвращается к размышлениям о том, почему находки из Лианг Буа, подобно черепу из Таунга и более ранним открытиям в Неандертале и Триниле, встретили столь скептический прием со стороны значительной части антропологов. Одну из причин она видит в том, что зачисление «хоббита» в отдельный вид противоречило модели мультирегиональной эволюции, согласно которой *Homo sapiens* формировался одновременно на разных континентах и был единственным видом гоминид на планете в то время, когда жил обладатель скелета LB1. Действительно, среди исследователей, выразивших скепсис по поводу отнесения LB1 к новому виду человека, были видные мультирегионалисты М. Хеннеберг и Э. Торн, но были среди них и люди, далекие от мультирегионализма. В любом случае, это частная причина, действенная только в случае с *Homo floresiensis*. Что же касается списка общих причин, действовавших, по мнению Фальк, во всех перечисленных случаях, то он включает: 1) зависть, 2) идеологию, 3) борьбу за личное влияние и 4) фактор, который я бы обозначил как «интеллектуальная территориальность», хотя это будет чрезвычайно вольным переводом используемого в книге термина «*turf guarding*» (с. 99–100). Могли сыграть свою роль, добавляет она в конце книги, и обычные человеческие страсти, порождаемые на уровне инстинктов. Ведь «когда речь идет о происхождении человека,

ученые отстаивают свои убеждения ничуть не менее страстно, чем религиозные фундаменталисты» (с. 195). Наконец, допускает Фальк, кого-то из палеоантропологов, склонных «тешить себя мыслью, что люди являются вершиной эволюции», слишком вычурно выглядящие потенциальные «недостающие звенья» могли просто не устраивать в качестве предков (с. 137).

На мой взгляд, список получился какой-то уж очень однобокий и одноцветный, сплошь в темных тонах. Почему-то в него оказались включенными исключительно вненаучные мотивы, и притом обусловленные только темной и/или глупой стороной человеческой природы. Автор как будто забывает о том, что сомнение — одна из главных движущих сил научного познания, его необходимая составляющая, отличающая науку от религии, и что помимо зависти, идеологической озабоченности, конкуренции, упрямства и глупости скептицизм в отношении тех или иных открытий — особенно открытий громких, сенсационных, не вписывающихся в устоявшиеся представления — может быть обусловлен вполне естественным и уместным в подобных случаях желанием получить более полную информацию, более убедительные аргументы, подвергнуть новые факты и интерпретации дополнительной, более строгой проверке. И в давней, и в недавней истории палеоантропологии и первобытной археологии было немало случаев, когда «сенсационные открытия» оказывались на поверку ошибками или фальшивками, и в этих случаях скептицизм вполне себя оправдал. Большинство ученых, отвергавших в прошлом неандертальца, питекантропа и австралопитека, делали это совсем не из зависти, охранительных побуждений или корыстных соображений (хотя было, конечно, и такое), и мотивы большинства тех, кто скептически отнесся или относится к выделению *Homo floresiensis*, тоже в основном лежат, я уверен, в сфере «чистой» науки. Кстати, сколь ни убедительны аргументы сторонников нового вида, не будем забывать, что последнее слово в споре о «хоббитах» с острова Флорес все же еще не сказано и некоторые сомнения остаются.

В завершающей главе книги Фальк высказывает удивление по поводу того, что в наши дни, как и в прошлом, «открытия новых гоминид продолжают вызывать ожесточенные разногласия среди антропологов» (с. 198). Понятно, пишет она, что находка в Неандертале в 1856 г., за три года до публикации «Происхождения видов», заставила ученых мир удивленно поднять брови. Если принять во внимание ужасное и длительное влияние пильдаунской подделки, то можно отчасти понять и прискорбно большую задержку с признанием *Australopithecus africanus*. «Но вот причины враждебной реакции некоторых ученых на провозглашение в 2004 г. вида *Homo floresiensis* не столь ясны» (с. 198). Помоему, как раз совершенно ясны. Если чему и следует удивляться, то это не склонности ученых сомневаться и не брать ничего на веру до предъявления убедительных доказательств и устранения последних сомнений, а склонности многих принимать желаемое за действительное и по-детски обижаться на коллег, не спешащих выразить восторг по поводу тех или иных сенсационных находок. Впрочем, к Дин Фальк и ее замечательной книге это уже никакого отношения не имеет.